

Из истории ростовских «половин»

К.А. Аверьянов

История Ростовского княжества XIV – XV вв. и его вхождение в состав московских владений уже давно являются предметом внимания нескольких поколений историков. В частности, одним из последних дань этой тематике отдал В.А. Кучкин, посвятивший этому вопросу специальную статью и раздел в своей монографии¹. Тем не менее, несмотря на основательность проработки этой темы, многое для нас в вопросе – когда и каким образом появились первые владения московских князей в Ростове? – остается неясным и представляет собой своеобразное «белое пятно». Главной причиной этого является характер источниковой базы, в первую очередь летописных известий. Поражает зачастую их крайний лаконизм – многие сообщения летописца представляют собой не развернутый рассказ о том или ином событии, а скорее выглядят, если так можно выразиться, записями-конспектами, своего рода «опорными точками», по которым хорошо знавшие реалии своего времени современники могли легко восстановить весь ход событий. Но помимо этого, имеется и другая трудность – даже таких крайне лаконичных известий крайне мало. Достаточно сказать, что в русских летописях за весь XIV в. относительно Ростова имеется всего лишь 50 известий, значительная часть которых говорит о смене церковных иерархов. Если к этому добавить десяток известий о Ростове в духовных и договорных грамотах московских князей, пару актов феодального землевладения, да позднейшие родословные росписи князей, представляющие собой сухой перечень почти исключительно одних мужских имен, то собственно этим и исчерпывается тот круг источников, которым мы можем оперировать, говоря о Ростовском княжестве XIV – XV вв.

Если вкратце суммировать наши знания о Ростове этого времени, картина представляется следующим образом. На рубеже 20–30-х годов XIV в. Ростовское княжество было поделено между двумя сыновьями кн. Василия Константиновича Ростовского. Старшему из них Федору Васильевичу досталась Сретенская половина Ростова, а младшему Константину – Борисоглебская, и с той поры «род князей Ростовских пошол надвое»². Считается, что полтора столетия спустя Борисоглебская половина была продана Московскому великому князю Ивану III правнуками ее первоначального владельца Константина – кн. Владимиром Андреевичем и Иваном Ивановичем Долгим. Под 1474 г. летописи сообщают: «тое же зимы продаша великому князю Ивану Васильевичу князи Ростовские свою отчину, половину Ростова со всем, князь Володимер Андреевичь и брат его князь Иван Ивановичь и с всеми своими детми и з братаничи; князь же великий, купив у них, дастъ матери своей ту половину, великой княгине

Мары»³. Что же касается Сретенской половины Ростова, то считается, что она стала владением московских князей значительно раньше. В середине XX в. А.Н. Насонову удалось найти летописец, в котором после известия о продаже части Ростова в 1474 г. пояснялось, что «первая же половина Ростова к Москве соединяется при великом князе Иване Даниловиче»⁴, т.е. при Иване Калите. В.А. Кучкин предположил, что это произошло около 1332 г. и связано с событиями, последовавшими за смертью в 1331 г. первого владельца Сретенской половины кн. Федора Васильевича. Из «Жития Сергия Радонежского» многим известен эпизод, повествующий о переселении родителей будущего святого из Ростова в московские пределы. Этот литературный памятник прямо указывает на появление московских владений в Ростове во время княжения Ивана Калиты, которому «куплено же досталось и княжение Ростовское к Москве»⁵. Об этом же свидетельствует и прямое указание духовной грамоты 1339 г. самого Калиты, где фиксируется наличие его владений в Ростове: «А что есть купил село в Ростове Богородичское»⁶.

Однако тщательный анализ всей совокупности имеющихся летописных известий заставляет предположить, что первые московские владения в Ростовском княжестве появились не при Иване Калите, а еще раньше – при его старшем брате кн. Юрии Даниловиче.

В частности, обращают на себя неоднократные упоминания о пребывании Юрия в Ростове. Так, под 1315 г. летопись сообщает: «Поиде великий князь Юрий Данилович из Новагорода с новогородци, позван в Орду от царя, а в Новегороде оставил брата своего князя Афонасия; и прииде в Ростов, а оттоле поиде в Орду месяца марта в 15, в субботу Лазареву»⁷. Аналогичное известие летописец помещает пятью годами позже, под 1320 г.: «приеха из Орды великий князь Юрие Данилович в Ростов, а оттоле иде к Новугороду»⁸.

Предыдущие исследователи не обращали внимания на эти известия, полагая, что ничего необычного в них нет, поскольку Ростов для Юрия, судя по всему, являлся лишь транзитным пунктом на пути из Орды в Новгород и обратно.

Однако привлечение еще одного летописного известия ставит под сомнение это возможное утверждение. 10-20-е годы XIV в. ознаменовались для Руси острым соперничеством тверских и московских князей за великокняжеский стол. Эти события были неоднократно описаны. Не останавливаясь на всех перипетиях этой борьбы, осветим лишь ее отдельные эпизоды.

Юрий Московский, уехав в Орду весной 1315 г., пробыл там два года. За это время он сумел приобрести влияние на молодого хана Узбека и, более того, женился на его сестре Кончаке, принявшей при крещении имя Агафии. Получив от своего шурина ярлык на великое княжение, Юрий, знавший, что предстоит тяжелая борьба с Михаилом Тверским, появился на Руси с сильным татарским отрядом. Однако удача отвернулась от Юрия. 22 декабря 1317 г. в 40 верстах от Твери при селе Бортневе произошел бой между князьями, Юрий был разбит, бе-

жал, а тверичи захватили массу пленных, среди которых была и сестра хана. Кончака была отвезена в Тверь, где вскоре умерла при неясных обстоятельствах. Летописцы по-разному передают подробности ее смерти. Некоторые из них прямо говорят, что она была «зелием уморена бысть», другие подчеркивают, что «княгиню Юриеву не убиша», третья просто передает ходившие слухи. Как бы то ни было, победа Михаила в конечном счете обернулась для него поражением. Он был вынужден заключить с Юрием мир, а затем по приказу хана должен был отправиться в Орду на суд со своим противником. Понимая, чем в Орде ему грозит смерть сестры хана, Михаил всячески оттягивал свою поездку туда, послав вместо себя 12-летнего сына Константина, очевидно, как заложника. Лишь в августе 1318 г. он отправился к хану, к которому прибыл в начале сентября. Узбек приказал его судить, Михаил оправдывался, его судили вторично, но в итоге 22 ноября 1318 г., ровно через 11 месяцев после злосчастной битвы, он был казнен по приказу хана. Юрий взял труп своего врага, привез его в Москву и лишь летом 1319 г. после долгих переговоров и унижений со стороны тверичей останки их князя были отданы им и, почти через год после его гибели, 6 сентября 1319 г. захоронены в тверской церкви св. Спаса.

Во всей этой истории для нас наиболее интересным представляется вопрос — где же нашла свой последний приют Кончака? Летописцы по-разному говорят о времени ее погребения — по одним известиям выходит, что она была захоронена сразу после смерти, по другим, ее тело Юрий получил в обмен на труп Михаила Тверского. Поскольку столицей городом Юрия была Москва, логично было бы предположить, что Кончака была захоронена в ней. Но в действительности она была погребена в Ростове. «Везоша ея со Твери в Ростов, и положиша ю в церкви святыя Богородицы в Ростове» — отметил летописец⁹.

«И отчего тело Кончаки отвезли в Ростов?» — задавал недоверенный вопрос историк Тверского княжества В.С. Борзаковский¹⁰. Ответ на него может быть лишь один — в Ростове находились владения самого кн. Юрия Даниловича, и именно в них он был волен похоронить свою супругу.

Но каким образом Юрию достались земли в Ростове? Во время описываемых событий Юрию Даниловичу было уже около 40 лет, и Кончака была его второй женой. Первой же супругой московского князя была неизвестная нам по имени княжна из ростовского дома. Об этом сохранилось свидетельство летописца под 1297 г.: «женился князь Юрий Данилович в Ростове»¹¹.

Встречающееся в русских летописях выражение «жениться в Ростове, Твери, Рязани и т.п.» означало не что иное, как жениться на дочери князя ростовского, тверского, рязанского и т.д. По весьма обоснованному предположению А.В. Экземплярского, тестем Юрия мог быть только ростовский кн. Константин Борисович, дед Федора и Константина Васильевичей, поделивших Ростов на две половины. В конце XIII в. источники просто не знают другого ростовского князя (все равно — из живых или умерших), на дочери которого мог бы жениться Юрий¹².

Известно, что за женой князь обычно получал приданое, в том числе и земельные владения, являвшиеся в ту пору главным источником доходов. Таким образом, очевидно, именно подобным образом – в качестве приданого Юрий получил владения в Ростовском княжестве. Сделав это предположение, мы можем правильно объяснить и несколько других летописных известий о Ростове этого времени, остававшихся до сих пор не совсем ясными для нас.

Вторая половина 10-х годов XIV в. стала для Ростова, пожалуй, самым тяжелым временем в этом столетии. С пугающей периодичностью, чуть ли не каждые два года, его грабили татары. Под 1315 г. IV Новгородская летопись сообщает: «Той же осени прииде из Орды князь Михаиле (Тверской. – К.А.), а с ним послове, Таитемир, Мархожа, Индый; сии же в Ростове быша и много зла подеяша»¹³. Под 1316 г. она же помещает известие: «Прииде из Орды князь Василий Константинович (Ростовский. – К.А.), а с ним послы Сабанчий, Казанчий, и много зла сътвориша в Ростове»¹⁴. А.В. Экземплярский задавал по этому поводу недоуменный вопрос – что же заставило ростовского князя приводить в свою отчину татар, чьими стараниями она была разорена?¹⁵ Под 1318 г. видим аналогичное сообщение: «Приеха Конча (татарский посол. – К.А.) на Русь и уби 100 и 20 человек на Костроме, а Ростов взя, и церковь святую Богородицу пограби, и вси церкви и монастыри и села, и люди плени»¹⁶. Наконец, под 1320 г. читаем там же:

«Приеха из татар Юрии в Ростов.. Тогда быша злии татарове в Ростове, и събравшиеся людие, изгониша их из города»¹⁷. Не будет преувеличением сказать, что в этот период Ростов был самым разоряемым татарами городом на Руси – четыре погрома за неполные шесть лет.

Подобное «внимание» татар к Ростову объясняется очень просто, если вспомнить, что это был период резкого обострения московско-тверской борьбы, в пылу которой стороны не гнушались призывать на помощь татар, а именно в Ростове находились владения московского князя. Становится понятным и приглашение татар кн. Василием Константиновичем Ростовским – они грабили не его собственные владения, а ту часть княжества, что принадлежала мужу его сестры. То, что разорялись земли именно кн. Юрия Даниловича, подтверждает и то, что в 1318 г. ограблена была именно церковь св. Богородицы – та, в которой Юрий позже захоронит Кончаку.

Все это позволяет с уверенностью говорить, что московские владения появляются в Ростове уже с конца XIII в. Они представляли собой не что иное, как земли, полученные кн. Юрием в приданое за своей женой, дочерью кн. Константина Борисовича Ростовского.

Но здесь возникает один недоуменный вопрос – как согласовать этот вывод с показаниями источников, относящими время приобретения владений в Ростове московскими князьями к несколько более поздней эпохе Ивана Калиты, брата Юрия Даниловича?

Чтобы объяснить это кажущееся противоречие, следует сказать несколько слов о юридическом статусе земель, полученных в приданое. Обычно считается, что вотчина составляла полное безусловное владение. Но это далеко не так. Вплоть до начала XVIII в. русское право различало несколько типов вотчин: родовые, купленные, выслуженные и т.п. Каждый из этих видов имел свои специфические черты в юридическом плане. Не останавливаясь на характеристике каждого из этих видов, остановимся на статусе приданых вотчин.

Судя по сохранившимся позднейшим актам, передача приданого оформлялась особой рядной записью, представлявшей собой точный инвентарь земель и другого передаваемого имущества, и которая служила, в случае надобности, основанием для возвращения приданого. Во время существования брака приданое состояло в общем распоряжении супругов. По прекращении брака смертью одной из сторон, в случае если имелись общие дети, оно переходило другому супругу, а затем их детям. Если же брак был бездетным, то за смертью жены приданое переходило не родственникам мужа, а возвращалось в род жены – братьям, а за отсутствием таковых – ближайшим ее родичам. Аналогичное правило действовало и при расторжении брака. Эти юридические правила действовали на Руси очень долго – до начала XVIII в. они решались на базе существовавшего законодательства, а после его изменения продолжали действовать чуть ли не до начала XX в. – на основе кассационной судебной практики.

Сделав это необходимое отступление, проследим дальнейшую судьбу ростовских владений кн. Юрия Даниловича. Вернувшись в 1319 г. в Москву триумфатором – с телом своего поверженного противника, захваченными в Орде тверскими боярами и сыном убитого кн. Михаила тверского – Константином Михайловичем, которому исполнилось уже 13 лет, Юрий, казалось, мог торжествовать – он снова получил велиокняжеский ярлык. Но трезвый рассудок подсказывал необходимость мириться с Тверью, которая еще никоим образом не была сломлена и жаждала отмщения за гибель своего князя. (К слову, это и произошло несколькими годами позже – 21 ноября 1325 г. Юрий был убит в Орде сыном Михаила – Дмитрием, как раз накануне того дня, в который погиб его отец). Важную роль в примирении Юрия с Тверью сыграл ростовский епископ Прохор. Под 1319 г. Тверская летопись сообщает о приезде в Тверь Прохора и кн. Ярослава Стародубского, которые «зовуще князя Александра (старшего сына Михаила Тверского. – К.А.) к князю Юрию в любовь». Под их личные гарантии Александр приехал во Владимир к московскому князю, заключил мир, а затем взял тело своего отца. Одновременно Юрию были отданы останки Кончаки¹⁸.

Наиболее удобным способом сгладить отношения с Тверью было бы породниться с тверскими князьями. Родословцы детей у Юрия не упоминают, однако из летописных свидетельств выясняется, что от первого брака с ростовской княжной у него была дочь Софья¹⁹. Но здесь московского князя подстерегали трудности –

вряд ли кто из тверских князей мечтал породниться с убийцей их отца. Однако Юрий особо и не настаивал — под рукой у него была готовая кандидатура — юный княжич Константин Михайлович, сын убитого Михаила, который долгое время после гибели отца находился при Юрии, сначала в Орде, а затем в Москве. Под 1320 г. Тверская летопись поместила известие о женихстве княжича, которому едва миновало 14 лет: «Оженися князь Константин Михайлович у великого князя у Юрия Софиею; венчан бысть на Костроме, в святом Федоре»²⁰. В этом контексте становится понятным известие о пребывании кн. Юрия в Ростове именно в этом году²¹ — московскому князю необходимо было посетить свои ростовские владения, чтобы оформить их передачу зятю. То, что Юрий отдавал зятю земли, полученные им самим в приданое, не было случайностью. Князья предпочитали не трогать свои родовые владения, поскольку их отчуждение было связано с целым рядом условностей, над ними висело право родового выкупа, а следовательно и право контроля за их движением со стороны родичей.

Какова же была дальнейшая участь ростовских владений, переданных Юрием своему зятю Константину Михайловичу Тверскому? О судьбе Софии у нас известий нет. Очевидно, брак этот был неудачным и вскоре распался. Думать так нам позволяют два обстоятельства. Известно, что Константин Михайлович, скончавшийся в 1345 г., был женат дважды — второй раз на известной только по имени Евдокии, от которой имел двух детей: Семена и Еремея, князей Дорогобужских²². От Софии же, судя по всему, у него детей не было. Другой источник, проливающий свет на интересующий нас вопрос, относится уже к гораздо более позднему времени. В своей второй духовной грамоте, составленной в 1417 г., московский князь Василий Дмитриевич среди прочего упоминает «прадеда своего прымысл... в Ростове (село) Василевское»²³. Прадедом Василия I был Иван Калита. Объяснения, каким образом Калита «прымыслил» это село, мы можем предложить лишь единственную версию. Поскольку брак Софии оказался неудачным, а главное бездетным, по тогдашним законам отданное за ней приданое должно было отойти в итоге ее родичам, первым из которых в очереди стоял брат Юрия — Иван Калита. Судя по всему, это произошло уже в 1320-е годы. На эту мысль наводит известие летописца под 1328 г. о браке кн. Константина Васильевича Ростовского на дочери Ивана Калиты Марье: «женися князь Константин Васильевич Ростовьски у великого князя Ивана Даниловича»²⁴. Очевидно, в виде приданого ростовскому князю были отданы московские владения в Ростове, но одно из сел в качестве «прожитка» было выделено племяннице Калиты, после смерти которой оно досталось последнему и стало его «прымыслом».

Таким образом, как бы завершился «круговорот» ростовских земель, отданных кн. Константином Борисовичем Ростовским Юрию Московскому в приданое за своей дочерью, затем переданных Юрием в приданое своему зятю кн. Константину Михайловичу Тверскому, возвратившихся к брату Юрия Ивану Калите

и, наконец, вновь отданных в приданое за своей дочерью Марьей внуку первоначального владельца – Константину Васильевичу Ростовскому. Но при этом Ивану Калите удалось сохранить фактический контроль над этими владениями. Об этом говорит примечательный факт, отмеченный летописцем. В 1349 г. волынский князь Любарт Гедеминович, задумав жениться на дочери Константина Васильевича Ростовского и Марии, испрашивал на то разрешения не у ее отца, как можно было бы думать, а у ее дяди – Семена Гордого, старшего сына Калиты²⁵. Так путем брачных союзов и получения богатого приданого московским князьям уже на рубеже XIII – XIV вв. удалось закрепиться в Ростовском княжестве.

*

- ¹ Кучкин В.А. Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 185-192; Он же. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 264-282. Раздел монографии представляет собой слегка переработанный текст статьи.
- ² ПСРЛ. Т. 24. Pg., 1921. С. 228.
- ³ ПСРЛ. Т. 24. С. 194. См. также: ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 180.
- ⁴ Насонов А. Н. Летописные памятники храмилищ Москвы (новые материалы) / / Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 259.
- ⁵ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 128; См.: Кучкин В.А. Земельные приобретения... С. 188-189.
- ⁶ ДДГ. М.-Л., 1950. С. 10.
- ⁷ ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 206; См. также: ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 48; Т. 7. СПб., 1856. С. 186.
- ⁸ ПСРЛ. Т. 5. С. 215-216; См. также: ПСРЛ. Т. 4. С. 49.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 7. С. 188. Относительно времени захоронения Кончаки мы склоняемся к более позднему периоду, т.е. после обмена с телом кн. Михаила Тверского, на что указывает ряд обстоятельств, о которых будет сказано ниже.
- ¹⁰ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 328. Прим. 473.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 7. С. 181.
- ¹² Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891. С. 34. Прим. 127.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 4. С. 48.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. 2. С. 35.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 4. С. 49.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 412; См. также: ПСРЛ. Т. 5. С. 215. Ростовский владыка Прохор и в дальнейшем, вплоть до своей кончины 7 сентября 1328 г., был тесно связан с Москвой. Весной 1326 г. он присутствовал на отпевании Юрия, а 14 августа 1327 г. он освящает каменный Успенский собор в Московском Кремле (ПСРЛ. Т. 25. С. 167-169).
- ¹⁹ Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1889. С. 67 (Прим. 176), 69.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 413-414. Неудивительно, что венчание происходило в Костроме. Вряд ли бы Юрий смог появиться на родине кн. Михаила в Твери всего через два года после его гибели.
- ²¹ Там же. Т. 4. С. 49.
- ²² Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. 2. С. 478.
- ²³ ДДГ. С. 58.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 169.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 59.

